

Стоило Нин Аньго вернуться и лично приехать за ними, как от обиды Ху Линцуй не осталось и следа. Сразу после обеда они засобирались в обратный путь.

Фу Мяню очень не хотелось расставаться с Нин Сянланом, но, заметив, с каким холодным и безучастным видом замер поблизости Фу Чжэнтянь, мальчик лишь подавил тяжелый вздох и с тоской посмотрел на друга.

Старейшина Мэн, погостив в Хуцзявани два дня, остался в полном восторге от молодого Враз Сюэ и решил задержаться в деревне подольше.

В машине Фу Чжэнтяня освободилось несколько мест, и он вежливо предложил:

— Господин Нин, если не брежете, можете поехать на нашей машине. Дядя Ли сделает небольшой крюк и высадит вас у дома.

Фу Мянь так и просиял:

— Да-да, поехали с нами!

Нин Аньго, тронутый такой предупредительностью со стороны Фу Чжэнтяня, отказываться не стал:

— В таком случае не откажемся. Только не потесним ли мы вас?

— Ничего страшного, ехать не так уж далеко, — ответил Фу Чжэнтянь. — В тесноте, да не в обиде.

Нин Сянлану и самому не терпелось прокатиться на местном «лимузине» — роскошном по меркам тех лет автомобиле. Наспех собрав вещи, он пристроился вслед за Фу Чжэнтянем и юркнул в салон.

Помня, что для окружающих он всего лишь ребенок, Нин Сянлан с самым невинным видом принялся разглядывать салон, подмечая каждую деталь и мысленно прикидывая, в какую же кругленькую сумму обошлась владельцу эта ласточка.

Фу Чжэнтянь, вольготно устроившийся на переднем сиденье, поймал в зеркале заднего вида восхищенный взгляд Сянлана. У него мелькнула мысль, что этот мальчишка на удивление хорошо разбирается в вещах. Неужели Нин Аньго с малых лет обучает сына подобным тонкостям?

Фу Мянь, не замечая безмолвной игры в гляделки между старшим братом и своим новым другом, сиял от восторга:

— Дядя Ли, везите сначала к Сяо Лану! Я обязательно должен разузнать, где он живет!

Фу Чжэнтянь лишь слегка усмехнулся и ехидно обронил:

— Чтобы в следующий раз у тебя появился новый предлог сбежать из дома, а нам снова пришлось ехать на твои поиски?

Фу Мянь уныло притих.

Нин Сянлан мысленно посочувствовал другу: судя по всему, дома бедняге Фу Мяню приходилось несладко под вечным надзором старшего брата. Чтобы разрядить обстановку, он предложил:

— Зайдете к нам в гости? — и, зная, что заманить Фу Чжэнтяня пустыми детскими играми не удастся, заговорщицки сощурился и добавил: — Тут у нас неподалеку есть отличный рынок цветов и птиц. Там так интересно!

Фу Чжэнтянь терпеть не мог тратить время на пустяки, но последние слова Сянлана заставили его призадуматься.

Рынок цветов и птиц — название, конечно, говорило само за себя: растения, певчие птицы, рыбки да всякая мелкая живность. Но люди знающие ведали, что за этой вывеской частенько скрывается бойкая торговля антиквариатом. А ведь день рождения дедушки был не за горами, и подарок следовало выбрать заранее.

Требования старого главы семейства к старшему внуку были совсем иными, нежели к маленькому Фу Мяню. Сяо Мянь мог просто купить в Хуцзявани готовую вещицу и преподнести её деду, но для Чжэнтяня подобная безделица была бы непозволительной халатностью.

Дедушке было важно не просто получить красивую безделушку — он оценивал зоркость глаза и тонкость чутья своего преемника.

О рынке рядом с Первым заводом Фу Чжэнтянь уже слышал краем уха. Место это славилось своим размахом, и хотя шанс отыскать в этой куче хлама истинное сокровище был невелик, попытать удачу определенно стоило.

— Если поторопимся, как раз успеем к самому разгару дневной торговли, — подбодрил его Нин Сянлан.

И это не было пустой уловкой. Сянлан прекрасно помнил, что в эти годы ценителей старины в Сичжоу водилось немного, а этот рынок оставался чуть ли не единственным крупным торговым пятачком в округе. Появившись на заре рыночных реформ, он сохранял свою славу долгие годы. Если в других местах лавки закрывались еще засветло, то здесь жизнь кипела и утром, и

в полдень, и даже поздним вечером. Народу там всегда хватало.

Заметив, с каким упорством Нин Сянлан зазывает его на рынок, Фу Чжэнтянь мысленно улыбнулся. Решив притвориться несведущим простофилей, он равнодушно спросил:

— И что интересного в этих лютиках-цветочках?

— Действительно, Сяо Лан, что там делать-то? — поддакнул и Фу Мянью.

Нин Сянлан потерял дар речи.

"Какое знакомое притворство..."

Уж кто-кто, а Фу Чжэнтянь — этот хитрый лис — прекрасно всё понимал! Сяо Мянью проболтался, что их дед обожает антиквариат. Не умея Чжэнтянь угождать вкусам старого патриарха, разве смог бы он обойти толпу кузенов и дядьев и прибрать к рукам всю семейную империю? Этот проныра просто издевался над ним, строя из себя невинную овечку!

Нин Сянлан недовольно поморщился:

— Ну и ладно. Действительно, скука смертная. Не хотите — не надо.

Глядя на его надутую мину, Фу Чжэнтянь не удержался от улыбки, но тут же взял себя в руки и с самым невозмутимым видом протянул:

— Погоди-ка, кажется, я слышал, что там торгуют не только птицами. Пожалуй, стоит съездить взглянуть.

Фу Мянью закивал, как китайский болванчик:

— Здорово! Едем!

Нин Сянлан только зубами скрипнул.

Ну точно! Этот гад просто над ним потешался!

Нин Аньго и Ху Линцуй лишь умилялись, глядя, как быстро подружилась ребятня. Услышав о планах сходить на рынок, они не стали им препятствовать.

Ху Линцуй достала из кошелька новенькую хрустящую купюру в десять юаней и вложила её в

ладошку сына:

— Держи, Сяо Лан. Проголодаетесь — купите себе чего-нибудь перекусить.

По нынешним временам десять юаней — деньги скромные, но для шестилетнего мальчишки это было целое состояние. Сянлан не стал жеманничать и с довольным видом припрятал богатство в карман.

Хватить ли этой мелочи на зубок такому избалованному барчуку, как Фу Чжэнтянь, Нин Сянлана волновало меньше всего. Уж у кого-кого, а у этого молодого господина денег водилось куры не клюют — пусть сам о себе заботится!

Фу Чжэнтянь, однако, не упустил из виду жадный жест маленького скопидома. Он заметил и тот хитрый взгляд, которым Сянлан смерил его, прежде чем спрятать купюру. Все ребяческие уловки Нин Сянлана были для него как на ладони.

"Всё-таки миловидная внешность — великая штука, — подумал Чжэнтянь. — Даже такая детская прижимистость выглядит чертовски забавно".

Пока двое «маленьких взрослых» вели негласную дуэль, обмениваясь колкими взглядами, простодушный Фу Мянй радовался жизни больше всех. Стоило машине остановиться, как он выскочил наружу и хвостиком устремился вслед за братом и Сянланом.

Нин Сянлан не был в этих краях целую вечность. Увидев впереди знакомые очертания Первого завода и до боли родные улочки, он ощутил, как к горлу подкатывает ком.

Он действительно вернулся. Вернулся в то самое безмятежное время, когда всё еще можно было исправить.

Пусть сейчас влиятельное семейство Чу казалось им неприступной крепостью, зато отец, дедушка и дядя были живы и здоровы, а Хуцзявань процветала. Придет день, и эти выскочки Чу больше не посмеют даже косо взглянуть на его семью!

Одно лишь терзало сердце Сянлана: отцу в будущем придется несладко. Ведь ни приемные родители, ни кровные родственники никогда не чаяли души в Нин Аньго, видя в нем лишь обузу.

Нин Сянлан крепко сжал кулачки.

Пусть его считают наглым, пусть называют бесстыдником, но упустить дружбу с могущественным кланом Фу он не имел права. Заполучи они такого покровителя, и врагам придется трижды подумать, прежде чем пускать в ход свои грязные трюки.

Впрочем, Фу Чжэнтянь был слишком умен и подозрителен для своих лет: начини Сянлан заискивать, тот мигом почует неладное. Куда лучше действовать мягко. В конце концов, даже ледяное сердце оттаёт, если почаще проводить время вместе.

Нин Сянлан довольно зажмурился от собственных мыслей и бодро увлек за собой братьев Фу в сторону рынка.

Вскоре перед ними выросли ворота с вывеской, на которой размашистым, каллиграфическим почерком было выведено: «Южный городской рынок цветов и птиц».

— Ого, как тутлюдно! — восхитился Фу Мян, впервые оказавшийся в подобном месте.

— Ещё бы, это ведь самый большой рынок во всем Сичжоу, — с гордостью пояснил Сянлан.

Новые, доселе неизведанные запахи и звуки увлекли даже сдержанного Фу Чжэнтяня:

— Пойдемте внутрь, посмотримся.

Вопреки названию, лавок с цветами и птицами здесь насчитывалось от силы штук восемь. За прилавками дремали или неспешно попивали чай пожилые торговцы, всем своим видом показывая, что дневная выручка их ничуть не заботит. Зато на мостовой кипела бурная жизнь: длинные ряды уличных торговцев ломились от всякой всячины, а над толпой то и дело раздавались азартные выкрики, споры и звонкий гул голосов.

В самом разгаре была дневная торговля. Распахнули свои двери антикварные лавки, ювелирные и фарфоровые магазины. Глаза разбегались от пестроты витрин. Покупатели сновали туда-сюда, заставляя хозяев довольно потирать руки.

Нин Сянлан прекрасно понимал: с ростом благосостояния страны спрос на предметы роскоши и старины взлетит до небес. И неважно, будут ли будущие коллекционеры истинными ценителями прекрасного или обычными богатыми невеждами, желающими пустить пыль в глаза, — этот рынок ждало великое будущее.

Мальчик с любопытством скользил взглядом по разложенным на прилавках редкостям, пытаясь разглядеть среди них что-то действительно стоящее. Разумеется, за внешней мишурой скрывались горы подделок, и выудить из этого омута подлинный антиквариат было задачей не из легких. Да и денег у Сянлана всё равно не водилось, так что он просто глазел по сторонам ради забавы.

Чего нельзя было сказать о его спутнике. Нин Сянлан искоса зыркнул на Фу Чжэнтяня. Вот у кого в карманах шуршала тугая пачка банкнот!

Самого Чжэнтяня здешняя обстановка приятно удивила: тут было куда опрятнее и тише, чем

на шумных продуктовых рынках. Он не спеша вышагивал среди торговых рядов, то и дело прислушиваясь к разговорам бывалых знатоков. Деньги у него были, но швыряться ими направо и налево молодой господин не привык. Чтобы не спустить целое состояние на копеечную подделку, сначала следовало как следует осмотреться и набраться ума-разума.

При этом он не забывал краем глаза приглядывать за младшим братом и Сянланом, чтобы те не затерялись в пестрой толпе. Заметив на себе испытующий взгляд Нин Сянлана, Фу Чжэнтянь с улыбкой спросил:

— Твой дедушка уже несколько десятилетий заправляет Печью Восходящего Дракона. Наверняка он знает о фарфоре всё. Признавайся, успел перенять у него хоть пару секретов мастерства?

Нин Сянлан так и поперхнулся.

"Да за кого ты меня принимаешь? Не все же в шесть лет рассуждают как прожженные дельцы!"

Заметив замешательство на его лице, Фу Чжэнтянь снисходительно хмыкнул:

— Ладно, забудь.

Тон его так и сочился притворным сожалением, будто он искренне раскаивался в своей бестактности. Вроде бы и не оскорбил напрямую, а на душе всё равно остался гадкий осадок.

Будь на месте Сянлана обычный ребенок, он бы точно вспылил и бросился доказывать свою состоятельность. Но Сянлана на столь дешёвую уловку было не поймать.

— Вот увидишь, я вырасту и разузнаю все до единого секреты дедушки! — упрямо вздернул подбородок мальчик.

Вид этого насупившегося карапуза показался Фу Чжэнтяню настолько забавным, что он не выдержал и снова бесцеремонно взъерошил ему вихры.

Нин Сянлан только зубами заскрипел от досады.

Поняв, что немного перегнул палку, Чжэнтянь поспешно убрал руку и ободряюще добавил:

— Так держать. Буду ждать твоих успехов.

Пока они обменивались колкостями, притихший Фу Мяннь вдруг дернул брата за рукав и указал

пальцем в сторону:

— Смотрите, что это за странная лавка там, в углу?

Фу Чжэнтянь и Нин Сянлан проследили за его жестом и уставились на неказистое заведение, приютившееся в самом глухом закутке рынка. На фоне соседних богато украшенных павильонов эта лавчонка выглядела настоящим недоразумением.

У самого входа на ржавом гвозде сиротливо покачивалась связка сушеных табачных листьев золотистого цвета, а на приземистом каменном столбике грелось под солнцем круглое сито, доверху наполненное мелко нарезанной махоркой. Тонкий, пряный аромат табака чувствовался за несколько метров. Сразу становилось ясно: хозяин лавки — заядлый курильщик.

Любопытство взяло верх, и Чжэнтянь кивнул Сянлану:

— Пойдем глянем.

Нин Сянлан согласно угукнул. В прошлой жизни он частенько отирался на этом рынке, но за давностью лет воспоминания стерлись из памяти. Ему и самому не терпелось узнать, что скрывается за загадочной дверью.

Троица дружно направилась к угловой лавке.

Едва переступив порог, Нин Сянлан поморщился: внутри стоял густой, сизый полумрак. Запах табачного дыма здесь был куда сильнее — терпкий, тяжелый, он буквально въелся в стены.

Проследив за струйкой дыма, мальчик заметил в глубине комнаты ветхое кресло, в котором, прикрыв глаза, дремал седовласый старик. На невысоком столике подле него покоился старинный, изящный кальян. Длинная трубка, чаша для воды и подставка отливали благородным блеском начищенной латуни. Но куда больше внимания привлекал изысканный узор перегородчатой эмали на корпусе: пышные бутоны пионов были выписаны столь искусно, что у Сянлана перехватило дыхание. Вещь явно принадлежала руке старого мастера и стояла целое состояние.

Скрип половиц выдал незваных гостей, но старик даже бровью не повел. Не спеша открыв глаза, он набрал в рот немного воды и аккуратно выпустил ее в чашу кальяна. Тихое, мерное бульканье разнеслось по пыльному, безмолвному залу лавки, нарушая сонную тишину. Затем старик неторопливо уложил в чашу щепотку золотистого табака, поднес к губам тлеющий бумажный фитилек и легонько дунул. Махорка тут же весело затрещала, занявшись рыжим огоньком.

Воздух в лавке окончательно заволокло пахучей пеленой.

Фу Чжэнтянь едва заметно поморщился от едкого дыма.

Хозяин лавки сделал глубокую затяжку и равнодушно спросил:

— Что ищете, молодежь?

В его сухом голосе не было и капли того сюсюканья, с которым взрослые обычно обращаются к детям.

<http://bllate.org/book/20435/2131330>